

РЕЗЮМЕ

Н. А. Зевахина, Д. В. Горнштейн, А. Д. Егорова. Факторы, влияющие на проекцию пресуппозиций в чувашском языке: экспериментальное исследование

Статья посвящена экспериментальному исследованию, в котором тестируются следующие лексические единицы литературного чувашского языка на предмет проекции пресуппозиции в утвердительном контексте, в контексте отрицания и в контексте условия: наречие *калlex* ‘опять’, союз *та* ‘тоже’, ментальные фактивные глаголы *манса кай* ‘забыть’ и *пёл* ‘знать/узнать’, фазовый глагол *пёттер* ‘закончить/заканчивать’. Согласно выдвинутой в работе [Abusch 2002] гипотезе о делении триггеров пресуппозиций на жесткие и мягкие в зависимости от проекции пресуппозиции в различных контекстах, первые две лексические единицы литературного чувашского языка относятся к жестким триггерам, а последние три — к мягким. В работах [Xue and Onea 2012; Smith and Hall 2012] и др. были получены экспериментальные данные, которые подтверждают предполагаемое деление триггеров пресуппозиций на два вида в нескольких западноевропейских языках. В статье предположение о делении триггеров пресуппозиций на жесткие и мягкие было проверено на материале неиндоевропейского языка и подразумевает использование верификационного метода: участникам эксперимента необходимо выбрать одно из значений пятибалльной шкалы Ликерта, ответив на предлагаемый вопрос в соответствии с заданным контекстом. Результаты проведенного эксперимента только отчасти подтверждают деление триггеров на жесткие и мягкие. При этом, как и в работе [Xue and Onea 2012], мягкие триггеры представляют собой более разнородную группу, чем жесткие триггеры. Кроме того, в отличие от работы [Tonhauser et al. 2018], более дробного различия как внутри каждой группы, так и между единицами, принадлежащими разным группам, практически не наблюдается. Возможные причины этого — линейное предшествование и синтаксический статус первой клаузы, содержащей отмененную пресуппозицию.

Ключевые слова: пресуппозиция, презумпция, проекция, пресуппозитивный триггер, литературный чувашский язык

М. А. Ключева. Глагольная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841)

В статье рассматривается система спряжения глагола в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (издан в Казани в 1841 г.). Среди ранних публикаций на марийском языке это один из самых объемных текстов, включающий Священную историю и Катехизис. Диалектная основа исследуемого текста — луговое наречие, при этом глагольная морфология (главным образом в формах множественного числа) значительно отличается от литературной нормы современной марийского (лугово-восточного) языка. В результате сопоставления с диалектологическими данными выявляется соответствие глагольной морфологии в памятнике системе спряжения в западных говорах лугового наречия (волжском, йошкар-олинском), которые оказались периферийными при формировании литературного лугово-восточного марийского языка в XX веке. (В основе глагольной морфологии последнего — моркинско-сернурский говор лугового наречия и говоры восточного наречия марийского языка.) При этом обнаруженные в памятнике и описанные в статье специфические глагольные формы западных говоров лугового наречия в значительной степени соответствуют системе спряжения в западных наречиях марийского языка (горном и северо-западном), в том числе литературной норме современного горномарийского языка. В целом, проведенный анализ глагольных форм (с предварительным учетом данных фонетики и лексики) позволяет определить «Начатки христианского учения» (1839 / 1841) как важнейший ранний письменный памятник волжского говора лугового наречия и ценный источник по исторической диалектологии марийского языка.

Ключевые слова: финно-угорские языки, марийский язык, волжский говор марийского языка, памятники письменности, глагольная морфология, историческая диалектология

П. И. Ли. Графический анализ вокализма первого слога в ненецких словарях из архива А. М. Шёгрена

В статье рассматриваются особенности графического отображения гласных первого слога в двух ненецких словарях из архива А. М. Шёгрена — пустозерского и обдорского. Материалы тех же

словарей представлены в “Asia Polyglotta” Ю. Клапрота. Основой послужили самодийские словники Г. Ф. Миллера, собранные в ходе экспедиций XVIII в. По-видимому, А. М. Шёгрэн выполнил копию в 1841 г. с источника, «находящегося в библиотеке Эрмитажа». Сейчас архивные словники хранятся в архиве А. М. Шёгрена в Кунсткамере. В цифровом виде они представлены на сайте проекта LingvoDoc.

Анализ графических особенностей вокализма первого слога производится на фоне прасамодийских реконструкций Ю. Янхунена, на фоне современной литературной нормы ненецкого языка — «Ненецко-русского словаря» Н. М. Терещенко, «Морфологического словаря тундрового ненецкого языка» Т. Салминена, «Диалектологического словаря ненецкого языка» С. И. Бурковой и др.

Устанавливается предположительная диалектная принадлежность материалов словарей. Выявленные диалектные характеристики сопоставляются с современной ситуацией на территории записи словарей. Местность в районе Пустозерска географически относится к территории распространения центрального (большеземельского) диалекта. В одном слове запись пустозерского словаря XVIII в. совпадает с фонетической формой современного восточного варианта. При этом в ещё одном слове фиксируется западный фонетический вариант. Территория записи обдорского словаря относится к территории проживания носителей восточных диалектов ненецкого языка. В обдорском словаре отмечается вариант, совпадающий с восточным вариантом.

Результаты сравнения представлены в виде таблиц; для каждой строки таблицы приводятся соответствующие примеры слов. Во многом рефлексy, представленные в пустозерском словаре, совпадают с современными. На месте реконструированных дифтонгоидов в пустозерском словаре, в отличие от современных словарей, представлены дифтонги. По сравнению с современными словарями в обдорском словаре рефлексy более разнообразны. На месте реконструируемых дифтонгоидов также употребляются дифтонги.

Отмечаются некоторые наиболее яркие особенности согласных первого слога. Например, в пустозерском словаре не фиксируется начальная /ŋ/, как и в реконструкциях; в обдорском словаре представлено три варианта записи.

Ключевые слова: ненецкий язык, первые ненецкие словари, историческая фонология, графика, гласные первого слога

Ф. И. Рожанский. О водско-ижорской конвергенции и внутридиалектном континууме (на примере одной кумулятивной руны)

Статья посвящена анализу различных вариантов водской кумулятивной руны *Kuza piippu?* «Где трубка?» в контексте водско-ижорских конвергентных процессов. Основное внимание уделяется двум проблемам: варьированию лексем со значением ‘амбар’ и ‘забор’ и структуре послеложных конструкций с этими лексемами. Основным материалом для исследования служат 13 опубликованных ранее вариантов руны и три варианта, записанные автором в процессе полевой работы в д. Лужицы Кингисеппского района.

Анализируя три лексемы, появляющиеся в руне *Kuza piippu?*, — *ratiz* ‘амбар’, *aitta* ‘амбар’ и *aita* ‘забор’, — автор приходит к выводу, что первая из них — это исконно водская лексема со значением ‘амбар’, вторая пришла из ижорского языка и так и не смогла стать закрепившимся заимствованием, а третья появилась в результате замены непривычной ижорской лексемы на фонетически наиболее близкое водское слово. Ижорское влияние заметно и в послеложной конструкции с этими лексемами (‘под амбаром ~ забором’). Если в ранних вариантах руны наблюдается отдельно записываемый послелог *alla* ‘под’, то в более поздних между существительным и послелогом появляется форматив *n*, а запись конструкции чаще становится слитной. Этот форматив *n* является показателем генитива, пришедшим из ижорского языка и в результате переразложения ставшим начальным согласным послелога.

Сопоставление различных вариантов руны, в том числе записанных от одного и того же носителя языка, показывает, что в ней может наблюдаться произвольное сочетание водских и ижорских элементов. Их соотношение является не столько свойством идиолекта, сколько свойством конкретного текста, что не позволяет считать идиолект минимальным социолингвистическим объектом и требует введения нового понятия для обозначения варианта языка, характеризующего конкретный текст с точки зрения соотношения в нем контактирующих языков. Для такого понятия предлагается термин «вариолект». Смешение водского и ижорского языков в западноводских деревнях является ярким примером итерационной конвергенции: нижнелужский ижорский, возникший как конвергентный идиом в результате смешения нескольких языков (прежде всего, ижорского и водского), образует новые контактные варианты, проникая в речь носителей водского языка.

Ключевые слова: водский язык, ижорский язык, языковые контакты, конвергенция, заимствования

А. В. Савельев. Старочувашский памятник с различием датива и аккузатива

Статья вводит в научный оборот языковой материал первого чувашского перевода Евангелия от Матфея, опубликованного в Казани в 1820 году. Детальный анализ особенностей диалекта-основы памятника — и, прежде всего, специфических инноваций на фонетическом и морфологическом уровнях — позволяет отнести язык Евангелия к группе курмышско-красночетайских говоров верхового диалекта. Этот вывод согласуется с доступными экстралингвистическими свидетельствами о диалектной атрибуции памятника. Многие архаичные черты диалекта Евангелия обнаруживают параллели в ранее исследованных старочувашских источниках XVIII—XIX веков. В то же время язык памятника характеризует и одна уникальная особенность, а именно системное различие старых показателей дательного и винительного падежей (после определенного типа основ и грамматических показателей). Современный чувашский язык маркирует синкретический дательный-винительный падеж при помощи аффикса $-(n)A$, диал. $-(j)A$, в котором в результате фонетических изменений и действия парадигматических факторов совпали рефлекс пратюркских показателей датива и аккузатива. Это явление традиционно датируется достаточно ранним периодом истории чувашского языка, поскольку современные диалекты не обнаруживают следов былого противопоставления двух падежных показателей. Однако открытие системы с последовательным различием дательного и винительного падежей в старочувашском диалекте XIX века свидетельствует в пользу того, что синкретическое выражение значений датива и аккузатива, которое является одной из наиболее известных структурных особенностей чувашского языка, имеет недавнее происхождение. Таким образом, материал первого чувашского перевода Евангелия от Матфея оказывается бесценным источником сведений о состоянии чувашской падежной системы, предшествовавшем совпадению дательного и винительного падежей.

Ключевые слова: чувашский язык, старочувашские памятники, чувашская диалектология, история чувашского языка, синкретизм датива и аккузатива

А. Ю. Урманчиева. Фонетические особенности ненецких заимствований в обско-угорских языках

Статья посвящена вопросу о ненецких заимствованиях в обско-угорских языках: хантыйском и мансийском. Основной корпус этих заимствований был выделен еще В. Штейницем в работе, опубликованной более полувека назад. В данной работе мы сосредоточимся в основном на фонетическом облике заимствованных слов. Эти заимствования ограничиваются по преимуществу культурной и ландшафтной лексикой и распространены прежде всего в северных диалектах мансийского и хантыйского. Несмотря на это, многие из них сохраняют весьма архаичные черты ненецкой фонетики. Это позволяет рассматривать контакты между обско-угорскими языками и ненецким как достаточно давние. Кроме того, рассмотрение корпуса обско-угорских заимствований позволяет уточнить относительную хронологию некоторых звуковых переходов в истории ненецкого языка.

Языком-донором послужил, безусловно, тундровый, а не лесной ненецкий: приведенные в статье слова лесного и тундрового ненецкого, соответствующие обско-угорским заимствованиям, показывают, что в ряде случаев в лесном ненецком может вовсе отсутствовать данная основа, в других же случаях она может отстоять фонетически (и/или деривационно) слишком далеко от обско-угорского слова.

Заимствования в обско-угорские языки из ненецкого могут отражать следующие архаичные черты ненецкой исторической фонетики: сохранение финальных гласных (до редукции в $^{\circ}$); сохранение финальных согласных, перешедших в современном ненецком в гортанный смычный; сохранение интервокального $-m-$, перешедшего в современном ненецком в $-w-$; сохранение финального глайда $-w$, в современном ненецком перешедшего в 0 .

По этим параметрам заимствования в хантыйский и мансийский разбиваются на две группы: одни отражают более архаичное состояние ненецкой фонетики, другие — более близкое к современному состоянию.

Еще одна черта, позволяющая провести такую относительную датировку, — лабиализация гласных в казымском хантыйском и в мансийском: в более ранних заимствованиях ненецкий a отражается в казымском хантыйском и в мансийском как лабиальный гласный, в более поздних — как a .

Ключевые слова: языковые контакты, лексические заимствования, обско-угорские языки, ненецкий язык